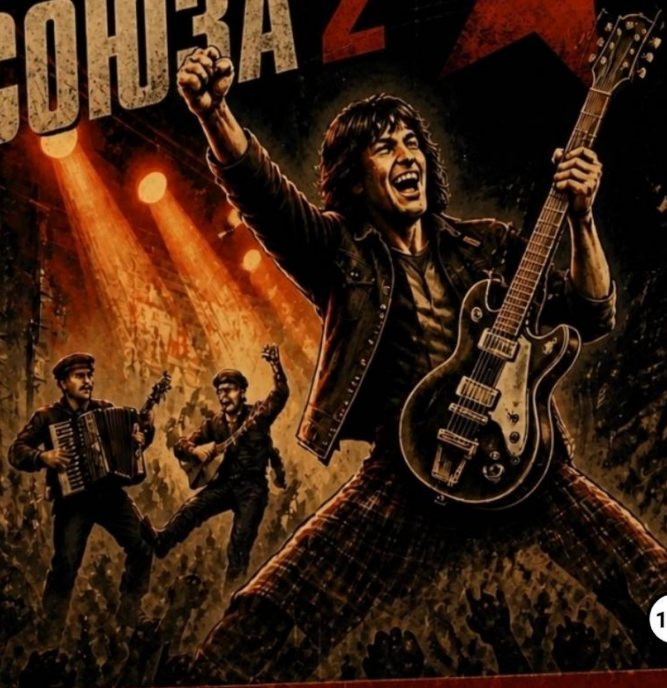


РОК-ЗВЕЗДА СОВЕТСКОГО СОЮЗА 2



18+

★ АЛЕКСАНДР ЯМАНОВ ★

Александр Яманов

Рок-звезда Советского Союза 2

<https://litres.ru/74677042>

SelfPub; 2026

Аннотация

Виктор Кудряшов освоился в прошлом и начал постепенно двигаться к своей цели. Теперь он Никита Оболенский и будущая рок-звезда. Если позволят многочисленные враги, конечно. Но герой не унывает, хотя лёгких путей не ищет.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	36
Глава 4	52
Глава 5	68
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Александр Яманов

Рок-звезда

Советского Союза 2

Глава 1

Апрель 1978 года, город «М» Московская область.

— Больше я ничем помочь не могу. И так пришлось задействовать все ресурсы. Вернее, идти и просить за тебя напрямую. Директор этого не любит, так как человек принципиальный. Его даже из Горкома стараются лишний раз не беспокоить. Не подведи меня, Оболенский!

Мы идём с Элеонорой по улице Коминтерна, покинув здание Дворца культуры. На улице сегодня прохладно, но солнечно. Последнее радует, так как надоела холодрыга, ещё на фоне серых и индустриальных пейзажей. Кто мешает властям хоть дома побелить в более весёлые цвета? Мимо нас прошли несколько детей, громко поздоровавшихся с Элеонорой. Та кивнула им в ответ улыбнувшись. Наверное, подопечные из «Костра».

Бывшая старшая вожатая, а ныне первый человек комсомола М-ского района, в элегантном коричневом пальто и косынке. Я тоже оделся цивильно — в брюки и болоньевый

плащ. На голове шляпа. А чего? Элегантно на самом деле. Надо соблюдать определённый стиль при встречах с важными людьми. Только пришлось снова вскрыть заначку и отвезти её барыге.

Элеонора приехала в заводской ДК проверить свой проект, где я её и ждал. Да, идею с детским ансамблем она не выпускает из виду, хотя недавно ушла с Машиностроительного. Вернее, шагнула на несколько ступеней вверх по карьерной лестнице. Мне грех на это жаловаться — такая поддержка лишней не бывает.

Кстати, женщина отодвинула от проекта Говядина, пытавшегося всеми правдами и неправдами к нему присосаться. Но повезло! Наверху оказались люди, понимающие, что парторг — человек бесталанный и обычный карьерист. Доверь ему такое дело — точно развалит. Это же не языком чесать без остановки.

Сейчас в «М» действует ансамбль «Семицветики», являющийся локомотивом всего проекта. Недавно в Москве создали ещё коллектив «Ребята с нашего двора», что тоже радует. Руководство комсомола всерьёз взялось за подготовку кадров для эстрады. Впрочем, меня сейчас заботит совершенно другое.

Смысл сегодняшней встречи простой. С подачи упомянутого Говядина ВИА «Странные сны» начали активно зажимать. После новогоднего концерта нам разрешили выступить только в Ногинске и Павловском Посаде, где расположе-

ны филиалы Машиностроительного. Предприятие-то огромное! Только мне от этого не легче. Парторг отодвинул нас даже от выступления на танцах, регулярно проходящих в заводском ДК. Это сильный удар по коллективу. Ведь нам ещё ограничили время репетиций. В общем, засада со всех сторон.

И вдруг появился шанс! Директор Машиностроительного решил организовать концерт на майские праздники, чтобы развлечь народ. Заодно Иван Олегович надумал выделить главную группу завода и посмотреть выступления артистов живую. На Новый год его не было.

Всё это благодаря Элеоноре, попросившей за нас. Иначе пришлось бы снова участвовать в склоках Говядина и профкома, полностью его поддерживающего. Сейчас же есть шанс стать коллективом при ДК и получить максимальную автономию. Нам бы ещё нормальную студию. Пока приходится репетировать в подвальной каморке. У меня дома можно играть только гитарные партии, ударную установку туда не отвезёшь. Но есть и плюсы: мы определились с клавишником. Пусть электроорган не синтезатор, однако с ним у «снов» совершенно иное звучание.

— Он же с Рязани и любит Есенина?

— Да, — ответила начальница остановившись. — Чего ты задумал, Никита? Не нравится мне этот блеск в глазах.

Выдаю в ответ свою самую обаятельную улыбку.

— Всё будет хорошо! Мы на это и рассчитываем. Вы бу-

дете на выступлении?

— Придётся, — устало вздохнула Элеонора. — Хотя в последнее время я начала уставать от музыки.

Здесь ничем помочь не могу. Раз человек полез во власть именно с этого направления, то пусть терпит.

Зрительный зал заводского ДК достаточно большой, около восьмисот пятидесяти мест. Для города этого мало, но сегодня пустых кресел хоть отбавляй. В основном заняты первые ряды, где расположились высокопоставленные гости и местные работники. Отдельной стайкой сели дети, с предвкушением наблюдавшие за происходящим. Кружков у нас много, есть даже цирковой. Вот ребятня и повалила на зрелище, прослышав о концерте.

Элеонора села по правую руку от Синяева, это директор Машиностроительного. Невысокий такой дядька средних лет с серьёзным лицом. Слева от шефа расположился Глебов, что внушает оптимизм. В отличие от севшего рядом с замом Говядина. Как без него? Тут ещё профком в полном составе, относящийся ко мне неприязненно. Зато на моей стороне заводской комсомол в лице одной рыжей особы. Но о ней сейчас лучше не думать. Всё потом.

«Трудыги» не стали спорить и согласились выступать первыми. Я с парнями примостился с краешка в седьмом ряду, наблюдая, как конкуренты готовятся к выступлению. Две колонки и усилители забавно смотрелись под лепниной, изоб-

ражавшей Маркса и Ленина. Под профилями вождей чего-то ещё написано, но я никак не могу запомнить эти лозунги.

Володя, лидер «Трудяг», проверил засвистевший микрофон, заставивший присутствующих поморщиться. Бывает! Техника в это время специфическая, хоть завод не жалеет денег на обеспечение ДК.

Если кратко, то конкуренты выдали неплохой уровень, но оказались предсказуемыми. «Вологда», «Не повторяется такое никогда» и «Обручальное кольцо» ещё можно было слушать, если слишком не придирайтесь к качеству исполнения. Но три собственные композиции парни могли и не играть. Детский сад — штаны на лямках! Почему не попробовать сделать кавер? Я ведь показал им путь. Ну нет у вас нормального поэта. Так зачем мучить людей всякой мутью? Для сельской дискотеки репертуар сойдёт, но у нас более серьёзный уровень.

— Всё готово, Олег? — спрашиваю радиста, который на самом деле рабочий высшей квалификации.

Мы попросили привлечь его для настройки. Кстати, тоже проблема. Организация концертов — дело сложное. Это со стороны всё кажется простым. Типа приехали парни, спели, отключили гитары и уехали. Угу! А как быть с ударными и органом? Ещё есть освещение, которому я планирую уделить побольше времени.

Но сегодня всё проще. Я вокалист, Кузнец — бас, Сергей Иванов — соло, Саша Лукьянов — ритм. И, конечно, Ра-

мешки на ударных.

Мы зашли на сцену и слегка поклонились зрителям. Надо сказать, что состав «снов» выглядит гораздо представительнее конкурентов. Во-первых, солист у них красавчик! Ха-ха! Сам себя не похвалишь...

А если серьёзно, то мы надели недавно заказанные строгие костюмы серого цвета. Тут ещё я настоял, чтобы парни сделали более короткие причёски. Пришлось давить авторитетом, но получилось неплохо. Теперь это наш стиль. Остальные музыканты могут отращивать любые лохмы — их право. А мы выглядим солидно.

Ну и сами парни привлекательные. Кузнецов — голубоглазый шатен ростом под метр семьдесят семь, хорошо сложен. Раму хоть сейчас на плакат времён одного австрийского художника. Гореть ему в аду! Я про Алоизыча, а не нашего блондинистого великана. Иванов, он же Серый, чем-то похож на Кузнецова, только черты лица попроще. А Лука вообще хорош! Он трудится футбольным тренером на стадионе и в очень хорошей форме. Рост у гитаристов примерно одинаковый, барабанщик сидит, и его не видно. Я немного повыше, но для контраста ситуация выглядит неплохо.

— Разрешите сначала спеть нашу переработку одной известной песни, а затем мы порадуем вас собственным творчеством. Вернее... Сами поймёте, — произношу немного удивлённому начальству.

Только Элеонора напряглась, сузив глаза. Сегодня нет

никаких спецэффектов, освещение работает на всю катушку, поэтому мне хорошо видно реакцию первых рядов. Так, главное — не пялиться на одну несносную особу, специально расстегнувшую пару пуговиц на блузке.

Акустика в зале неплохая, да и аппаратуру Олег настроил выше всяких похвал. По нынешним временам сложно добиться столь чистого звука, заодно не повредить барабанные перепонки зрителей. Поэтому «Плачущая в автомате девушка» была хорошо встречена публикой. Дети даже немного похлопали. Впрочем, они также встретили «Вологду» от конкурентов.

— Думаю, многие из вас уже слышали нашу песню «Странные сны», в честь которой названа группа. Порадуем вас ещё раз, — произношу с улыбкой и подаю команду Раме.

Барабанщик не подвёл, отсчитав ритм, после чего я начал петь. Нравится мне эта композиция. Абстрагировавшись от окружающих, погружаюсь в пение. Кузнец и Лука хотели сразу начать с козырей. Не зря же мы столько готовились. Но я настоял, что надо выдавать репертуар дозированно. Заодно чередовать мажорную и минорную песни. Друг — отличный музыкант, гораздо лучше меня. Только он плохо разбирается в шоу-бизнесе.

Кавер в стиле рок на "Странные сны" от Демо просто отличная штука!

Не удержавшись в самом конце, смотрю в сторону рыжей провокаторши. Вопреки моим ожиданиям зелёные очи зату-

манились, а лицо девушки было задумчивым. Анна положила подбородок на кулак и смотрела сквозь меня. Ей нравится эта песня, как и многие другие в моём исполнении. А может, врёт. Но сейчас девушку зацепило.

Естественно, мы исполняли композицию в лёгкой версии. Здесь рок-н-ролл практически под запретом. Зачем пугать народ хардом?

После последнего аккорда дети снова зашебуршали, немного похлопав. Они стеснялись начальства, но не смогли скрыть эмоции. А ещё мне показалось, что Синяеву песня понравилась. Он даже немного подался вперёд, чтобы лучше слышать текст. Ничего, сейчас мы нанесём по главному зрителю основной удар.

— Признаюсь честно, очень сложно написать хорошие стихи, которые ещё должны лечь на музыку. Затем вся композиция ещё должна понравиться слушателям, — произношу в микрофон. — Поэтому мы с товарищами решили пойти логичным путём. Есть отличные стихи, надо только подобрать к ним музыку. Итак, мой любимый поэт, бывший по совместительству московским хулиганом. Сергей Александрович и его «Озорной гуляка».

После объявления директор буквально впился в меня взглядом. В ответ оставалось только нормально исполнить песню. Да простит меня группа «Альфа», но без плагиата никак. Люби Синяев Блока или Маяковского. Да хоть Пушкина! Только здесь иная ситуация. Я ведь узнал максимум

о предпочтениях и характере директора. Бурная у него была молодость. Не просто так он любит Есенина. Поэтому поехали!

*Я обманывать себя не стану, Залегла забота в сердце
мглистом. Отчего прослыл я шарлатаном? Отчего прослыл
я скандалистом?*

Начинаю петь после задорного начала. Заодно начинаю пританцовывать у микрофона. Первыми необычность выступления оценили дети и начали хлопать в такт. Тут как раз несколько ребят из кружка хореографии. Я может, не великий танцор, но изобразить нормальный твист способен. Тем более что пришлось ускорить изначальный вариант.

"Я московский озорной гуляка" Есенина, под динамичную музыку — просто невероятная песня!

Особенно забавно было наблюдать за Элеонорой и Анной. Обе комсомольские активистки натурально оторопели. Но если бывшая вожатая быстро пришла в себя и начала похлопывать в ладоши — композиция-то действительно заводная! Ну и я хорош! Чего скромничать. Однако рыжая красotka отреагировала иначе. В её глазах начало полыхать от едва сдерживаемого гнева. Ещё бы! Мы ведь держали репетиции в секрете. Хорошо, что парни не проболтались. Значит, атмосфера в коллективе здоровая!

Только зеленоглазое создание таких вещей не любит. У неё характер как у диктатора со стажем. Никаких сюрпризов, и всё должно быть под контролем. Либо она должна знать.

Сложно с ней. Только моя мечта важнее любых женщин! И судя по виду Синяева, до неё осталось несколько шагов.

Дети перестали сдерживаться и хлопали от души. Кто-то даже крикнул: «Браво!» Смотрю, а народа в зале значительно прибавилось. И аплодируют не только юные зрители, но и большая половина присутствующих. Даже высокопоставленные гости не выдержали. Кроме некоторых индивидов, конечно.

Дабы не дать народу расслабиться, сразу подаю команду парням. Несколько ударов барабанных палочек — и мы действительно вдарили по року. Пусть не тяжёлому, но не кастрированному варианту, исполняемому в СССР. В конце концов, у нас ознакомительный концерт, отмажемся.

Проигрыш, и я начал, выкладываясь уже по полной. Нечего сдерживаться, надо проявить все свои таланты. Вон даже конкуренты обалдели, слушая нас с отвалившимися челюстями. Утрирую, но парни в натуральном шоке. Ещё бы!

"Не жалею, не зову, не плачу" тоже Сергея Александровича, но в более роковом варианте.

У меня несколько вариантов исполнения этого стихотворения. Но я предпочёл более тяжёлый. Хотя мы сделали его более или менее приемлемым для советской эстрады. Чем-то исполнение пересекается с «Позвони мне, позвони». Вроде фильм ещё не вышел. Хотя я даже не помню, как он называется. Только песня есть в памяти.

Будь же ты вовек благословенно, Что пришло процвести

и умереть.

Заканчиваю петь одновременно с музыкой. Вроде неплохо получилось! Я ещё в образе, смотрю на зал и начинаю нервничать. Аж холодно стало в груди. Зрители молчат! Неужели не зашло!

Вдруг дети разразились аплодисментами, подтолкнув остальных слушателей. Синяев точно доволен! И это главное! Элеонора радостно улыбается, и даже Анна немного отошла. Меня же потряхивает. Рубашка под пиджаком прилипла к спине от пота, да и ноги дрожат. Ничего себе вставило! Это от нервов или адреналина? До этого выступления не вызывали у меня такой реакции. Но в целом хорошо! Я бы сказал — круто!

Немного отдышавшись, подаю парням знак и приступаю к главному блюду. Или заключительному на сегодня. Хотя хороших стихов у Есенина много. Кому-то мой выбор не понравится.

Было желание исполнить композицию в стиле Малинина, но я отказался. Хотя одну из песен Александра придётся сплагатить. С моей-то здешней фамилией. А может, не буду. Просто спою в узком кругу. Касательно стихотворения Есенина, память выдала очень необычный вариант, который мне сначала не понравился. Однако, обыграв его мысленно, пришло понимание о его крутости.

Плохо, что такую хорошую вещь исполнить с большой сцены не дадут. Как же? Там ведь русский человек собрал-

ся помирать под иконами. Нас же старательно убеждают, что сейчас в СССР нет национальностей, а есть новый человек — советский. Угу. Только когда приходит большой северный лис, власти сразу вспоминают про русских и православие. Ладно, сейчас надо отработать песню так, чтобы у Синяева не было шансов. Он и так в некоей прострации. В хорошем понимании слова, конечно. Наверняка на мужика нахлынули воспоминания. Я и сам в прошлой жизни поддавался очарованию поэзии великого рязанца.

По идее можно спеть эту песню а капелла, но мы подготовили вариант с постепенным включением всего нашего ВИА. Погнали, наши городские!

—Положили меня в русской рубашке под иконами умирать!

"Мне осталась одна забава" — великое стихотворение. Как и все творчество Есенина!

Закончился проигрыш, и зал снова отреагировал странно. Дети начали хлопать и одобрительно кричать. Песня удалась! Это не похвальба, а констатация факта. Только смотрю, что преподаватели кружков начали быстро успокаивать своих подопечных. Они-то лучше понимают, о чём песня и текущая линия партии.

Забавные ощущения. Понимаю, что это провокация. Вон Говядин смотрит на меня влюблёнными глазами. Парторг уже решил, как будет топить неугодного и неподконтрольного музыканта. Элеонора сидела с каменным лицом, не выка-

зывая никаких эмоций. Ей сложнее всех. Хорошо начавшееся выступление закончилось, скажем, нестандартной композицией. Анна тоже была задумчива и даже не думала хлопать. В общем, всё сложно. Только мы своего добились. Я не знаток человеческих душ, однако способен заметить одобрение на лице директора. Репертуар же мы почистим.

— Это всё, товарищи! — произношу, скрывая усмешку.

Народ задвигался, кое-кто из детей устремился к выходу. Я же смотрел на Синяева.

— Пройдём, певец. Пообщаемся, — вдруг раздался громкий голос Ивана Олеговича.

Далеко идти не пришлось. Нам моментально освободили кабинет директора ДК, ещё и предложили печенье с чаем. Я бы выпил — горло пересохло. Поесть тоже не помешает. Вроде пять песен и двадцать минут работы, но будто два дня пахал. Спина всё так же мокрая от пота, но хоть пропала дрожь. Всё-таки выступление на сцене сложно описать. Это надо почувствовать! И мне сейчас хорошо.

— Садись, — Синяев кивнул на стул, одиноко стоявший возле шкафа.

Сам он расположился в неудобном кресле, некоторое время устраиваясь. Затем Иван Олегович достал пачку «Стюардессы», импортную зажигалку и закурил. Мне не предложил. Сделав три большие затяжки, мужик перевёл на меня строгий взгляд.

— Ты знал? Кто рассказал? Элеонора?

Вопрос понятен. Ответ на него давно готов.

— Нет, это не она. Ваше происхождение и увлечение Есениным — не секрет. Просто надо было немного поговорить со старыми работниками завода. Не буду врать, на то у меня и был расчёт.

Директор снова затянулся, а затем усмехнулся.

— Хочешь мне понравиться и получить преференции?

— Снова нет, — усмехаюсь в ответ, наблюдая, как Синяев начал искать пепельницу. — Моя цель — большая сцена. А ещё я хочу выйти на мирового зрителя. Не буду заниматься бахвальством, но вы сегодня самолично наблюдали за моими возможностями.

Взяв с тумбочки блюдце, Иван Олегович сбросил туда пепел. Вот директор ДК обрадуется! Хотя она тётка понятливая, мы с ней неплохо так общаемся.

— Не слишком ли заоблачные цели? — явно успокоившись, произнёс собеседник.

— Вот кассета, здесь десять песен на стихи русских поэтов и ещё пять моих собственных. Извините, больше не успели, — передаю директору записку и затем развожу руками. — Насчёт заграницы сейчас рассуждать глупо и самонадеянно. Сначала надо завоевать советского зрителя. Думаю, у меня получится.

В ответ директор рассмеялся, после чего затушил сигарету.

— Мне нравится твой настрой. Ну и поёшь ты хорошо. Я ведь сам занимался в детстве в музыкальной школе и пел в хоре. Есть с чем сравнивать, — некоторое время Синяев молчал, затем вдруг огорошил меня: — Считай, ансамбль получил путёвку в жизнь. Переведём вас в ДК и оформим как положено, чтобы потом не было претензий. Что ещё нужно?

Такие шансы могут больше не появиться. Поэтому надо просить всё сразу.

— Своё помещение для репетиций в ДК. Плюс аппаратура, специалист, умеющий её настраивать, и администратор ансамбля. Далее надо что-то решать со светом, и нам потребуется автобус.

— А он тебе зачем? — удивлённо вскинулся директор.

— Мы никому не известная группа. Вначале лучше гастролировать по Подмоскovie и ближайшим городам вроде Тулы или Ярославля. У нас же одна колонка весит под сто килограмм. Плюс инструменты, благо они свои, кроме органа и барабанов. Нас ни в один самолёт или поезд не пустят, придётся заранее договариваться. Значит, нужен человек, разбирающийся во всех нюансах. Нам же самим надо ещё тренироваться. Сегодня парни жутко фальшивили, да и я сам несколько раз не попал в ноты, потом ещё разнервничался, — произношу совершенно честно. — Думаю, год уйдёт у нас на организационные вопросы и привыкание. И...

Не знаю, говорить или нет. Впрочем, Иван Олегович ре-

шил за меня.

— Продолжай!

— Нам бы защиту от товарищей вроде Говядина и Кораблёва.

Вдруг Синяев снова рассмеялся, показав крепкие, но жёлтые от табака зубы.

— От таких людей, как Михаил, не скрыться. Но я тебя понял. Завтра жду весь ваш коллектив в двенадцать, заодно со списком необходимого и планом действий. Справишься?

На этот раз взгляд директора оказался похож на рентген. Только мы и не такое проходили.

— Конечно! И мы вас не подведём.

Глава 2

Июнь 1978 года, город «М» Московская область.

Столько всего навалилось, что я забыл отметить год своего попадания в тело Ника. Вернее, настолько вжился в новые реалии, что подумал об этом только в июне. Хотел выпить немного вина и погрустить о прошлой жизни, но не стал. К алкоголю в новом теле я практически равнодушен. А главное — происходящее мне нравится. Пусть последние события начали меня напрягать.

Именно с такими мыслями я подошёл к кабинету главного редактора «Юности». Добрался быстро. Сначала на электричке, затем метро до станции «Маяковская» и буквально несколько минут пешком — как показался нужный трёхэтажный особняк.

Пройдя обычный коридор с паркетом в «ёлочку» и фотографиями писателей на стенах, я постучал в заветную дверь и вошёл. Секретарь Полевого, суховатая дама средних лет, ответила на моё приветствие и добавила:

— Вас уже ждут.

Что-то у нас не сложились отношения с этой дамочкой. Надо провести работу над ошибками. Ведь пословица про царя и псаря родилась не на ровном месте.

Кабинет главреда ещё при первой встрече удивил дорогой мебелью и вообще продуманной обстановкой. Здесь распо-

лагался стол с брифинг-приставкой, два шкафа — один с документами, а второй с наградами. У окна стоял более длинный стол с приставленными стульями, где шли планёрки или встречали многочисленные делегации. Удивила большая инсталляция логотипа журнала на стене, где обычно должен висеть портрет вождя. Изображение Ильича расположилось с другой стороны, и было незаметно, так как находилось за спиной вошедшего. Фрондёрство? Не знаю. В общем, отлично для 1978 года!

Тройка апокалипсиса, как я в шутку назвал Полевого, Дементьева и Озерову, была уже в сборе. На самом деле руководители одного из самых популярных советских журналов удивили меня в лучшую сторону, конечно. Вот и сейчас Мэри Лазаревна смотрела приветливо, будто на доброго знакомого. Поздоровавшись, я сел напротив уважаемых людей и положил перед ними пухлую папку, извлечённую из спортивной сумки.

— Вот, переписал согласно вашим указаниям.

— Поменьше трагизма, юноша, — ответил Полевой, усмехнувшись, но по-доброму. — К вам никто не придирался, поверьте. Большая часть вопросов касается именно литературной составляющей. А ведь нашим девочкам ещё заниматься стилистикой произведения, не считая корректуры.

— Спасибо! Если издадите, то свожу их в ресторан, — отвечаю с каменным лицом.

— Почему только их? — вскинулась Озерова, Дементьев

поддержал её одобрительным кивком. — А мы что, лысые?

Троица начала смеяться, я тоже. Нет, шевелюра у них на зависть многим молодым. Полевому лет семьдесят, а у него вон какие кудри, только виски седые. А ведь мужик видел такое, что и Кондратий мог хватить.

— Замётано, — произношу, когда все успокоились. — Тогда буду ждать вашей отмашки.

— Не спешите, Никита, — слово взял Дементьев. — Коррекция текста — это наша работа. Теперь важно, чтобы ваш роман утвердил Главлит. Далее будет следующий этап, наверное, более сложный. Придётся пройти тщательную проверку. Уж больно у вас в сюжете много насилия и спорных ситуаций.

— Так ведь мой герой попадает в параллельный мир. Там он сражается исключительно с колдунами, ведьмами и прочей нечистью, не соблюдающими местные законы. Есть конфликты и с людьми — куда без них. Большую часть убийств и так пришлось убрать. Теперь получился обычный приключенческий роман по мотивам славянского фольклора. Если вы полистаете романы классиков жанра, например, Дюма, Буссенара или Майн Рида, то там хватает насилия и убийств. Ничего страшного, писатели издаются миллионными тиражами и востребованы у советской публики. А у меня фактически отняли треть необходимых для сюжета действий. Хоть не пиши продолжение. Его вы вообще обкорнали наполовину!

Ага, поняв специфику советского подхода к литературе, я сразу обсудил с троицей продолжение. Чтобы не работать впустую, конечно. Роман Сапковского я помню хорошо, поэтому набросал ключевые точки, которых получилось немало. Надо сказать, что руководство журнала было шокировано фантазией молодого выскочки. Спорили мы долго, даже пару раз поругались. Пришлось довериться старшим товарищам.

Здесь такая ситуация. Изначально я написал повесть по мотивам «Смолина» за авторством Васильева. Она очень понравилась троице, но её сразу забраковали. Никто не разрешит мне выбрать местом действия СССР. Какой «Мир Ночи» и прочие колдуны с вампирами, живущие среди нас? Это прямой вызов советской власти и органам. Мол, если действие происходит на Западе, то можно попробовать. Хотя и такой вариант могут зарубить.

Ситуация выглядит бредовой. При чём здесь покушение на строй или очернение советского образа жизни? Это ведь обычная сказка. Но надо играть по местным правилам.

Поэтому пришлось переносить героя — простого бухгалтера по имени Александр Смолин — в магический мир, взяв за основу классического «Ведьмака». Но я добавил идеи ещё нескольких авторов. В итоге получился этакий микст. Мне показалось, что читабельный. Троице он тоже понравился, но меня попрекнули за плагиат с западных авторов. Жанр про попаданцев, мягко говоря, не нов.

После чего началась черновая корректура, при этом не

ошибок. Дементьев и Озерова указали на спорные и явно непроходные моменты. Пришлось книгу переписывать. Сегодня я её и принёс.

Но оказывается, это только начало. Остальные проблемы впереди. Я это прекрасно понимал, столкнувшись с цензурой в музыке. Просто подумал, что раз такие авторитетные люди дали добро, то произведение пропустят.

— Никита, ввиду молодости ты можешь не понимать некоторых моментов, — начал Полевой. — Твоя книга может не пройти комиссию...

— Куда уж мне? Сказка о ведьмаке — это угроза строю? А запретить песню о странных снах — наверное, государственная необходимость? — не выдержал я. — Чего там такого? Вон, Андрею Дмитриевичу стихи понравились. А кое-кому в Главлите — нет. А если ты перепел стихи великого поэта, к которому не придерёшься, то есть худсовет при «Москонцерте». Пройдёшь там — зарубят в Минкульте. Это я ещё никому не известен. Страшно представить, что со мной сделает Гостелерадио, стань мои песни популярными! Да, я не пою про СССР. Но почему нельзя петь просто о жизни или любви? Поэтому можете не объяснять, что книгу не утвердят.

Троица смотрела на меня с удивлением. Даже в глазах Озеровой не было прежнего тепла.

— Прошу прощения. У меня тут трагедия локального характера, — говорю виноватым тоном, а потом кратко расска-

зываю произошедшее.

Троица не виновата, просто накопело. Две недели назад нам запретили исполнять «Странные сны», «Батарейку» и почти все перепевки Есенина. В итоге сейчас в нашем репертуаре «Плачет девушка в автомате», «Ничего не говори», «Гуляка» и «Белая берёза».

Полгода репетиций коту под хвост! А ведь «Сны», «Не жалею, не зову, не плачу» и «Я иду долиной» — это однозначные хиты. Как и ещё пять перепевков Сергея Александровича. У нас получался полноценный альбом, с которым можно было начать гастролировать, обкатав выступления в подмосковных ДК.

С «долиной» понятно — она тяжеловата, хотя в нашем весьма среднем музыкальном сопровождении слушается средне. Спасает мой вокал и необычность музыки. Причём мы её изрядно облегчили, немного подогнав под эстраду.

Хорошо, что я пока не полез с «Русалкой» или тремя другими песнями, которые мы также отрепетировали.

Проблемы начались сразу после первого выступления в Александрове. Машиностроительный как-то связан с тамошними заводами, производящими радиоэлектронику и полупроводники. Только выступали мы в ДК со странным названием «Искож». В принципе мне всё равно. Даже с учётом того, что нам пришлось играть вместе с ещё двумя ВИА и первыми. Просто не понравилась реакция публики. Ви-

дать, из-за майских праздников в зале собрались только раб-
ботяги и люди старшего возраста. По идее ничего страшного
— наша музыка предназначена для самого широкого круга
слушателей.

Или народ ещё не раскачался, или акустика тому виной,
но наше выступление не зашло. Возможно, дело в слишком
раннем начале концерта и в том, что часть публики ещё под-
ходила. А может, их сюда рекрутировали с предприятий в
обязательном порядке. Но я не почувствовал никакой отда-
чи. Плюс чужая аппаратура, которую предоставил местный
ДК. Но надо признать и нашу вину.

Парни дрогнули, кроме Рамы. Они-то думали, что это наш
первый самостоятельный концерт вне рамок завода и шажек
к будущему успеху. Ан нет! Мы исполнили песню, а зал да-
же не похлопал. А с задних рядов даже засвистели — точно
не в знак одобрения. Или я ошибся, выбрав первой песней
«Ничего не говори». Быстро поменяв порядок композиций,
мы решили сыграть «Гуляку», а следом «Девочку».

Однако это оказалось стратегической ошибкой. Кузнец
начал нещадно фальшивить, не попадал в ритм и злился. За
ним последовали остальные гитаристы. Не умеем мы пока
держать удар. Просто парни запутались и не смогли переключиться,
ведь план был заранее согласован. Я и сам несколько
раз не попал в ритм, но быстро исправился. В итоге, отыграв
пять песен, мы под жидкие хлопки и свист покинули сцену.

Не сказать, что это провал, но близко к тому. Тогда мы

молча собрались, сели в выделенный заводом «ПАЗ» и поехали домой. Андрюха так и не проронил ни слова до Орудьево. Ближе к Забугорску парни начали робко обсуждать произошедшее. Я их поддержал, сказав, что первый блин всегда комом. И никто не обещал, что утром мы проснёмся звёздами. Но гитаристы особо не прониклись, Рама же кивнул и попытался уснуть. Железные у него нервы!

Уже перед поворотом к дому Кузнеца тот попросил меня поговорить наедине.

— Может, ну его на фиг? С завода мы фактически уволились, инструменты свои. Установку Ромке купим. Давай в кабак, тем более пока зовут? Десяток популярных песен мы знаем. Плюс после определённого момента публике плевать на уровень музыки — они уже выпили. Денег быстро заработаем. Потренируемся в нашем захолустье и через год в Сочи или Крым! А потом к приличному московскому ресторану прибьёмся, — начал быстро говорить друг. — Дело даже не в том, что нас сегодня плохо приняли. Я и парни не верим в успех с дальнейшим попаданием на большую сцену. Разве что Рама, но он наивный мечтатель. Ты ведь не такой, Князь. Твои песни всё равно дойдут до зрителя, пусть и окольным путём. Запишем на бобину и кассеты, а далее дело техники. Пусть в кабаках сцены поменьше, но народ будет требовать именно нас. «Гуляку» и «Девочку» начнут заказывать по пять раз и плясать под них до исступления. А ещё нас не будут трогать люди типа Говядина или Кораблёва. Скажу

больше, они сами со своими жёнами придут в ресторан нас послушать.

Откуда у него такое влечение к выступлению в ресторанах? Кузнец ведь любит музыку, я это точно знаю. И хочет прославиться. По крайней мере, два с половиной года назад такие мысли у него были. А тут при первых трудностях снова его потянуло выступать перед барыгами и номенклатурой. Утрирую, но в приличный ресторан Москвы просто так не попадёшь. Соглашусь, что на юге публика более разномастная. Но меня всё равно не привлекает петь для пьяных старателей или шахтёров. Дело не в снобизме, а в нежелании унижаться и исполнять за червонец или четвертак условную «Мурку».

— Давай дотерпим до конца года? Выступим на новогодних концертах для заводчан и филиалов, а потом каждый пойдёт своим путём. Я всё равно продолжу пробиваться наверх, но возможно, изменю формат репертуара. Например, начну петь романсы. Мне для этого и ансамбль не нужен, — отвечаю другу совершенно честно. — А в кабак ты всегда успеешь. Зато мы точно будем знать, что не смогли. То есть провалились по делу, и нет смысла мечтать о чём-то большем.

Когда я говорил, Кузнец смотрел мне в глаза, потом отвернулся и замолчал.

— Хорошо!

Он пожал мою руку, закинул чехол с гитарой на плечо и

ушёл в сторону дома. Я некоторое время стоял, вдыхая вечерний воздух, а потом зашагал в свою сторону. Вокруг прогуливались многочисленные прохожие — улица Маяковского у нас как Арбат локального значения. Здраваться и разговаривать ни с кем не хотелось, поэтому я кивнул паре знакомых и свернул в переулок.

Добравшись до дома, я понял, что мне хочется нажраться. В первый раз за время попадания в прошлое. Но удалось сдержать нездоровые порывы и заняться делами. Я набросал ещё несколько запасных композиций на случай, если придётся совсем сменить жанр, окунувшись в эстраду.

Будущие события показали, что мои сомнения оказались верными. Через две недели пришло извещение, что больше половины наших песен зарубили.

— И ты сразу опустил руки? — Полевой первым отреагировал на мой сбивчивый рассказ, сверкнув глазами. — Не буду сейчас говорить о том, как должен действовать настоящий комсомолец — мы не на трибуне. Однако у тебя есть талант. Андрей бы просто так не хвалил твои стихи. Только путь настоящего творца — это преодоление. И даже когда придёт успех, нельзя расслабляться. Только на это способны по-настоящему сильные люди. Признаюсь, твоя истерика меня разочаровала.

Мэтр прав. Чего-то я психанул не по делу.

— А ещё избавь меня от критики системы. Много вас в последнее время появилось. Главлит несовершенен, но там

много толковых людей. Да и стране необходима такая организация. Ты бы знал, сколько графоманов пытается издать свои произведения, часто откровенный бред. Это у нас спаянный коллектив редакторов, отсекающий всякую муть и ужас. Насколько я помню, мы практически ни разу не ошиблись, — Полевой наставительно поднял указательный палец. — Зато в стране хватает других изданий, менее принципиальных. Особенно это касается республиканского уровня. Благо там больше пишут на своих языках.

— Андрей Дмитриевич дал почитать мне твои стихи. Маловато, но написано неплохо. Хотелось бы послушать, как они звучат в музыкальном исполнении, — вдруг огорошила меня Озерова.

— Я слушал, Никита передавал мне бобину, — присоединился к разговору Дементьев. — Хорошо, но слишком оригинальное для нашей публики звучание.

Это он так дипломатично отозвался о всяких «держимордах». На самом деле зам главреда предпочитает западный рок, о чём сообщил мне по секрету.

— Магнитофон у нас есть, может, и Борис Николаевич присоединится к прослушиванию, — продолжил удивлять меня Дементьев.

— Не сегодня! И давайте в первую очередь займёмся литературой и завершим обсуждение деталей, — произнёс Полевой. — У нас ведь есть второй роман.

Судя по скучившимся лицам троицы, «Код» даже пере-

писывать не придётся. Его забраковали наглухо.

— Совсем всё плохо? — спрашиваю, глядя в глаза главного редактора.

— На самом деле нет. После первой коррекции стилистики и грамматики повесть превратилась во вполне съедобный продукт. Её можно было спокойно растянуть до полноценного романа без потери темпа и всякой воды, — меня снова сегодня удивили. — Там совсем другое. Я показал запись одному знающему человеку, бывшему военному в больших чинах. Так, он сразу сказал, что автора надо пеленать и тащить на допрос. Мол, откуда у тебя такие сведения? И главное — как гражданский сопляк может так подробно описать поведение и психологию людей в случае глобальной катастрофы! Это, вообще-то, секретные сведения, больше разрабатываемые в спецслужбах. Ну и в армии они, них известно. Только там больше готовятся к ядерной войне. А у тебя вирус, что крайне необычно и одновременно реалистично. Это вам не побасенки западных фантастов.

Ёпт! Меня ещё и закатать в какую-нибудь специальную тюрьму хотят!

— Не переживай, — усмехнулся Полевой, заметив мою реакцию. — Никто тебя не тронет. Генерал быстро отошёл и позже сообщил, что твои описания слишком сказочные. Поэтому повесть я тебе возвращаю и советую её сжечь. От греха, так сказать. Её нельзя показывать не только Главлиту, но даже проверенным людям. От последних обычно и стоит

ждать подлости.

Борис Николаевич замолчал, видать, вспомнил что-то из своего прошлого.

— Сделаем так, — наконец произнёс он, слегка ударив по столу. — Пока сосредоточимся на твоей сказке. Думаю, через месяц её можно пускать по инстанциям. Касательно музыки — ничего не обещаю. Послезавтра мы её послушаем в узком кругу и обсудим. После чего Андрей Дмитриевич тебя известит.

Я думал, что придётся ждать долго, поэтому с головой погрузился в работу. Благо парни не ворчали и поддерживали мой темп. Других дел сейчас практически нет, по следующему выступлению пока неопределённость. Так чего время терять? Заодно мы умудрились найти хорошего преподавателя. Откуда в Москве такой специалист, разбирающийся в электрогитарах, не знаю.

Сам Евгений, попросивший называть его просто по имени, пока не раскололся. Парни предположили, что этот пятидесятилетний мужик долго жил на Западе — при посольстве или торговом представительстве. У людей ведь разные увлечения. Рекомендовали его какие-то друзья Лукьяна. Финансовые вопросы мы быстро решили через завод, есть ещё лимиты.

Нам повезло, что препод жил на севере столицы и спокойно приезжал к нам на электричке. После первого урока мы

были уязвлены. Я ведь тоже показал свой уровень, буквально уничтоженный Евгением. Сначала все обиделись, но мужик просто указал на ошибки и сыграл сам. Пусть он не виртуоз, но лучше нас. Теперь мы два раза в неделю превращаемся в прилежных учеников. Потом усиленно повторяем уроки. Плюс никто не отменял репетиции. Мы решили пока не изменять первоначальному репертуару и играли все песни.

А у меня ведь ещё организационные обязанности. Благо пока их немного, и на гитару я серьёзно не налегаю. Больше всего меня беспокоят будущие площадки для выступлений. Их нет от слова совсем.

Элеонора пообещала толкового администратора, но пока молчит. Сам же я в этом деле плаваю. Слишком много нюансов. Поэтому напряжение нарастало.

И вдруг через три дня после разговора в редакции во время перерыва в зале появляется лично Дементьев. Признаюсь, я оторопел. Парни с недоумением отреагировали на появление хорошо одетого мужчины в очках. Не став разводить канитель, зам главреда кивнул в сторону двери.

Выйдя из здания, мы направились по улице, наслаждаясь выглянувшим солнышком. Последние дни выдались пасмурными, как моё настроение.

— Везучий ты человек, Никита. Мы послушали твою музыку в тот же день, — весьма оптимистично начал Андрей Дмитриевич. — Полевой любит поэзию и особо выделяет Есенина. Не поверишь, он видел его выступление вжи-

вую. Ему понравилось не только переложение стихов Сергея Александровича, но и твои собственные.

Чего я могу сказать? Мне приятно, хотя всё это чистый плагиат. Меня только успокаивает, что вокруг, скорее всего, другой мир. Или моя деятельность сильно на него повлияет. Условно обворованные люди напишут другие книги и музыку.

— Более того, Борис Николаевич по своим каналам уточнил ситуацию в Главлите. И там всё неоднозначно. Решение принял один человек впопыхах, без обсуждения на комиссии. Кто-то его попросил — наверное, твой большой поклонник, — усмехнулся Дементьев и остановился, чтобы закурить. — А шеф это просто ненавидит. Нет для него более раздражающего фактора, чем человек, получивший рычаги и пытающийся сломать судьбу писателя или поэта. Насмотрелся он на такое. Впрочем, это другая история. Главное, что будет создана полноценная комиссия, которая рассмотрит твои стихи. Думаю, шансы на успех велики.

— Спасибо! — только и смог вымолвить я.

— Это ещё не всё, — похоже, Андрей Дмитриевич продолжил день неслыханной щедрости. — С «Москонцертом» тоже всё мутно. Та же история — ещё и худсовет, рассматривавший музыку, не имеет к этому никакого отношения. Всё провели без присутствия автора. Там ситуация немного запутана. Поэтому готовься к новому заседанию и привези нормальную запись. Насчёт всех песен не обещаю, но часть

пройдёт.

Я хотел снова поблагодарить зама главного редактора, но он меня перебил.

— Только возникает вопрос: а тебе самому это нужно? — усмехнувшись моему удивлённому взгляду, Дементьев пояснил: — Ты хоть немного понимаешь возможности вашего директора? Он, вообще-то, ещё и депутат, имеющий вход в очень высокие кабинеты. А ведь это его проект, на который выделены заводские деньги. Ну и товарищ Мишин тебя знает с хорошей стороны. Так какого рожна ты развесил нюни и не борешься, имея таких тяжеловесов в качестве союзников? Ещё ведь вам гадит человек с завода. Поверь, имея такую информацию, его заткнут навсегда.

Ну да. Чего-то я затупил и совсем перестал думать. Только с Элеонорой поговорил, но она сейчас занята и не совсем разобралась в ситуации. Ничего, будем исправлять ошибку. А жизнь-то налаживается!

Глава 3

Июнь 1978 года, город «М», Орудьево, Московская область.

— Чего ты раньше не сказал? Зачем заниматься самодеятельностью? В твой проект, вообще-то, вложены заводские деньги, причём немалые. Вон, даже электроорган на баланс ВИА переводим. Меня директор ДК уже который день терроризирует. Мол, нельзя лишать их столь важного инструмента. И вдруг такое.

Сегодня с меня настоящим образом снимают стружку. Неприятно. Хотя я и не стою с провинившимся видом перед начальством, а сижу за приставной столешницей в кабинете Синяева. Напротив меня расположилась хмурая Элеонора и Глебов, не выражающий эмоций.

Директор голос не повышал, но несколькими фразами показал, что я вёл себя как идиот. Или являюсь им в его глазах.

Началось всё с того, что я позвонил бывшей вожатой и объяснил ситуацию. Она не стала затягивать, организовав встречу через два дня. Так я оказался в кабинете директора Машиностроительного, где начался разбор полётов.

— А куда вы смотрели, Элеонора Николаевна? — Синяев повернулся к главе районного ВЛКСМ. — Это ваш подопечный, я бы сказал протеже. Оболенский, конечно, олух! Однако его оправдывает молодость. Но вы опытный человек.

Как можно было пустить всё на самотёк?

Взгляд женщины не сулил мне ничего хорошего. Я аж мысленно поёжился.

— Виновата, Иван Олегович! Слишком много всего навалилось, но своей ответственности не снимаю, — произнесла женщина. — Но давайте рассуждать откровенно. Никита в происходящем практически не виноват. Да, завод согласился на его условия. Только мы не решили организационную часть. Я сейчас об администраторе, с назначения которого надо было начинать. Откуда у молодых ребят опыт решения таких вопросов? Заодно такой человек мог подсказать, как себя вести. Благо я его нашла и теперь можно не переживать, что Оболенский снова наделает ошибок. Только главная причина его неприятностей в другом. И вы её знаете. Как можно вредить своему же предприятию?

После последних слов Элеоноры директор сморщился, будто откусил лимон.

— Вы о чём, Элеонора Николаевна? — Глебов подключился к разговору.

Судя по всему, зам директора решил сыграть в дурачка, но натолкнулся на такой злобный взгляд главы комсомола, что заёрзал на стуле. Думаю, у них здесь свои интриги и разборки. Но Элеонора, конечно, кремьень! Кстати, я знаком с её мужем. Обычный такой мужичок, неприметный. Судя по слухам, свою железную леди он любит, и вообще у них в семье идиллия. Я бы с таким человеком жить не смог. Хотя

многие люди умеют разделять личное и работу.

— Ты знал? — голос директора стал неожиданно холодным.

Значит, я прав насчёт интриг.

— Видите ли, Иван Олегович, — заюлил Глебов. — Здесь такая ситуация...

— Никита, подожди за дверью, — приказным тоном произнёс Синяев.

А я что? На хрена мне их разборки? Поэтому быстро покидаю огромный кабинет, оказываясь в не менее просторной приёмной. Секретарь не обратила на меня внимания, остервенело, строча по клавишам электрической печатной машинки. Странная у тётки причёска — какая-то башня из шиньонов. Сажусь на один из многочисленных стульев, расставленных вдоль стены, и принимаюсь ждать. Рядом расположились ещё два посетителя, но мне не до них. Я на напряжён, как пружина.

Минут через двадцать створка монументальных дверей открылась, и из кабинета выскочил красный как рак Глебов. Следом продефилировала довольная Элеонора, махнувшая мне рукой. Пришлось молча идти следом.

Уже выйдя с проходной, женщина закурила и начала разговор.

— Не буду растекаться по древу. Обозначу главные пункты. Ситуация признана недоразумением. Завтра к вам присоединится Гудков Михаил Семёнович — администратор.

Передашь ему все организационные вопросы и занимайся строго музыкой. Касательно Главлита и худсовета, я поеду на комиссию. Товарищ Мишин тоже должен помочь. Будем тебя отстаивать, — произнесла Элеонора, затем сделав пару затажек, продолжила: — Это протокольная часть. Следующую информацию лучше никому не пересказывать. Говядин с Кораблёвым доигрались. Тут ещё Глебов неплохо их очернил, переложив всю вину. Он это умеет. Чего ещё ждать от снабженца?

Это просто сказка какая-то!

— Парторга уволят? — спрашиваю с надеждой.

В ответ на меня посмотрели как на тяжелобольного человека.

— Кто же его уволит? Тем более с такой под... В общем, Михаил Константинович вскоре переведётся на новую, не менее ответственную работу, — усмехнулась женщина. — А вот профком на заводе поменяется. Причём уйдёт даже председатель. Человек перенапрягся, пора ему вернуться в родной плановый отдел. Впрочем, тебя это волновать не должно. Репетируйте и готовьте собственную программу. Ко Дню машиностроителя вы должны выступить так, чтобы публика была в экстазе. И главный зритель был доволен. Если будет непотребство, как в Александрове, то лучше сразу пиши заявление по собственному желанию. Надеюсь, это понятно?

— Вас понял. До свидания! — киваю, и разворачиваюсь

в сторону станции.

День был тяжёлым, и мне точно сейчас не до репетиций. Парни свои партии знают, пусть работают.

Почему я не стал благодарить Элеонору? Всё просто: в случившемся есть большая доля её вины. Вернее, она натурально облажалась, ведь понимала, что Говядин будет гадить, но пустила всё на самотёк. Главное — мадам добилась нужной должности и получила очень перспективный проект, от которого меня сразу оттёрли, кстати. Не то, чтобы я расстроился. Просто надо платить по долгам. Она этого не сделала, а сейчас пытается сделать ещё и обязанным ей лично. А ведь Элеонора ещё потопила своих врагов на заводе и наверняка пропихнёт в профком нужного человека. Это надо уметь — вылезти из выгребной ямы, благоухая розами.

Не хер играть со мной в такие игры. Оригинальный Оболенский на это бы купился, я — нет. А ещё мадам-комсомолка прекрасно понимает, что обратится ко мне за помощью. Несмотря на то что я написал детальный план «Голоса» и черновой «Утренней звезды», у товарищей просто не хватит знаний с фантазией, дабы сделать из них конфетку.

Только я успел искупаться и выпить чаю, есть не хотелось, как раздался стук в дверь. Странно, калитка вроде закрыта. Или? Сердце бешено забилося. Быстро минуя коридор и выхожу на крыльцо, распахиваю дверь. Ага!

— И долго мне тут стоять?

Произнесла Анна, надув губки, а потом с довольным визгом запрыгнула на меня, обняв руками и ногами. Нахожу тёплые губы и на некоторое время выпадаю из реальности. Вот как она это делает? Мне ведь прошлому сорок, а не двадцать два, как нынешнему. Пытаюсь поставить девушку на землю, но она не позволяет, ещё крепче прижавшись ко мне.

Так мы и дошли до спальни, где Аня только скинула бо-соножки и сумочку. Сарафан и трусики я снял с неё сам. Бюстгальтер она носит только на работе, а вот вне её — не всегда. Именно тугую грудь третьего размера с задорно торчащими розовыми сосками я и начал целовать, оторвавшись от её губ.

— Хватит прелюдий, Ник! — произнесла девушка выдохнув. — Я соскучилась и вся теку!

Кто же против? Быстро надеваю презерватив, которыми заполнена тумбочка, и вхожу в полыхающую щель. В ответ раздаётся всхлип, и острые коготки впиваются мне в спину. Сейчас мы не занимаемся любовью, а просто трахаемся! Плевать! Это волшебно! Начинаю ускоряться, получив в ответ одобрителный стон, а ноги Анны сжали меня ещё сильнее. Ещё несколько толчков, и мы кончили вместе, рыча как звери!

Пытаюсь успокоиться, сжимая влажное и столь желанное тело. Но куда там! Я хочу обладать ей ещё и ещё! Просто наваждение какое-то! Поэтому снова впиваюсь в твёрдый сосок.

— Стоп, мой ненасытный друг, — рыжая пытается оттолкнуть меня руками. — У нас ещё вся ночь впереди, и даже несколько. А мне надо в душ. Ещё есть хочу — целый день на ногах и одном кофе. Пришлось написать кучу отчётов. Неужели благородный князь позволит умереть несчастной девушке от голода?

Смотрю в смеющиеся зелёные глаза, после чего целую податливые губы и позволяю подруге встать. Ничуть не смущаясь своей наготы, а скорее провоцируя меня, она подошла к шифоньеру, откуда вытащила махровое полотенце.

— У входа сумка с вкусняшками и вином. Кто-то был столь порывист, что не дал занести её в дом, — Анна подмигнула улыбаясь. — Надеюсь, тебе хватит двадцати минут?

Не дождавшись ответа, дриада выпорхнула из комнаты, вильнув аппетитной попкой. Я тоже не стал разлёживаться.

Около веранды действительно нашлась капроновая сумка с пластиковыми ручками. Занёс её на кухню, вытаскивая продукты. Салами, финский сыр, балык, коробка конфет «Птичье молоко» и две бутылки «Саперави». Неплохо государство снабжает комсомольских вожаков! Но я к подобным наборам равнодушен. Хотя сам ощутил такой голод, будто готов слона съесть. Поэтому лезу в холодильник за нормальной пищей.

Только я дочистил картошку, как со стороны ванной раздался голос Анны.

— Ник, здесь какие-то проблемы с водой!

Чего там могло случиться? Я купался час назад, всё было нормально. Открываю дверь и натыкаюсь на лукавый взгляд зелёных глазниц. Вернее, мой взор метался между двумя задорно торчащими полушариями и светлым треугольником. Вот зачем она так? У меня ведь уже всё стоит. Даже то, что стоять теоретически не может.

— Я тут подумала, купаясь, — провокаторша провела язычком по губам. — Ты вёл себя как-то странно. Недостаточно страстно, что ли. Наверное...

Не став дослушивать, под довольный вскрик Анны разворачиваю её спиной и заставляю наклониться. Эта вертихвостка сама расставила ноги пошире и выгнула спинку. Поэтому я не стал медлить, а только провёл рукой по половым губам, на что рыжая снова отозвалась всхлипом, затем рывком вошёл в эту обитель похоти и наслаждения.

Девушка сразу застонала, не сдерживая эмоций. Затем начала кричать, только успев сказать:

— Не в меня!

Я, конечно, потерял голову, но не настолько. Но всё равно едва успел вытащить член и изрядно оросил изящную спинку.

— Ух! — выдохнула подруга, опираясь о стену и немного подрагивая. — Снова купаться.

— Давай, а я как раз успею картошку пожарить, — хлопаю по упругой попке.

— Мерзавец! Снова воспользовался моей слабостью, — в

своей ироничной манере произнесла комсомолка. — Только попробуй испортить картошку. И футболку мне свою принеси или рубашку. У меня с собой только запасные трусики.

Третьего эротического раунда не было. Уж больно мы проголодались. Поэтому, зайдя на кухню, Анна издала радостный крик и накинулась не на меня, а на жареную картошку, котлеты и свекольный салат. К сожалению, нормальных помидоров и огурцов в продаже ещё нет, приходится доедать прошлогодние морковь, капусту и свёклу. Благо погреб позволяет хранить всё что угодно. Спасибо ещё раз бабушке и дедушке.

— Ум! Невероятно! — воскликнула рыжая, закрыв глаза от наслаждения. — Оболенский, кто научил тебя так готовить котлеты? Я ведь добавку хочу! А как быть с фигурой? Ещё и картошку так пожарил, что я бабушку вспомнила.

Сидим как порядочные, ужинаем. Я нарезал немного принесённых продуктов, остальное убрал в холодильник. Даже успел пожарить картошку — вроде неплохо получилось. А котлеты — это вообще моя фишка.

— Съездила не зря. Хотя город, конечно, мрачноватый. Благо было тепло и солнечно, — Анна делилась впечатлениями от комсомольского слёта в Ворошиловграде. — Зато завязала немало полезных знакомств. Там ведь были активисты со всего Союза. А как там за мной ухаживали! Оболенский, ты вроде князь, но сразу потащил приличную девушку в кровать. Вот где твоя галантность? Мог бы цветы пода-

ритель, пригласить погулять по московским набережным или устроить что-то романтическое.

Это кого ещё затащили! Нет, мне грех жаловаться. Такой огненной во всех отношениях девицы я никогда не встречал. Заодно можно официально заявить, что секс в Советском Союзе есть. Ещё какой! Не сказать, что рыжая прямо искусница, но она берёт страстью и эротизмом. Наверное, это у неё врождённое. Вообще, есть в ней что-то колдовское, и дело не только в цвете глаз. У меня они тоже зелёные, но никаких магических умений я не ощущаю.

Наш роман был предсказуем. Как говорится: я чертовски привлекателен, она божественно красива. Если серьёзно, то мы несколько раз пересеклись по работе. Ведь все ребята из ВИА — комсомольцы, поэтому пришлось участвовать в собраниях. А потом я пригласил её в кафе, ожидая отказа. О товарище Кудриной на заводе ходят разные слухи и сплетни, но её насмешливого характера побаиваются. Местные мажоры давно перестали делать попытки подката, так как были жестоко высмеяны. Однако один князь решился и добился успеха. Оказалось, наши чувства взаимны. Сложно назвать это любовью — скорее непреодолимая страсть. С моей стороны уж точно.

В общем, после первого свидания мы отправились ко мне. Что, в общем-то, несвойственно для этих времён. Ещё сильнее меня удивила раскованность девицы в постели. При этом она не какая-то шалашовка — такое чувствуется сразу. По

крайней мере, с высоты моего опыта так кажется. Просто она очень эмоциональная и далеко не ханжа.

Но в рамках советской действительности приходится шифроваться, особенно с учётом карьерных планов Анны. Всё-таки комсомольский вожак огромного завода обязан показывать всем пример. А как быть девушке, если она ведёт половую жизнь, будучи не замужем? Впрочем, мне подобные материи без надобности. Нам хорошо, а серьёзные разговоры оставим на будущее.

Рыжая ездила на слёт комсомольцев Машиностроительной промышленности в Ворошиловград. Оказывается, бывают и такие. После того как мы наелись, я открыл вино. Анна села на стул с ногами, натянув на них мою футболку. Выглядела она забавно и мило. Рыжие волосы растрепались по плечам. Прямо мимимишный вид, с учётом лукавых зелёных глазниц.

— Я ведь обычный работяга, изящным манерам не обучен, — вяло отбрёхиваюсь от подколок Анны, делая глоток вина.

Неплохо! Пивали лучше, но в магазинах такое не продается. Я здесь особо не пью, но с красивой девушкой можно.

— Ревнуешь, Ник? — в зелёных глазах пробежали искорки предвкушения.

Вот не может человек без подколок. Зато подобное поведение естественно вписывается в её эмоциональный облик. Кстати, на работе рыжая ведёт себя строже, но иногда пус-

кает в ход свой острый язычок. Но меру Анна знает, заодно умеет устанавливать контакты с любой аудиторией.

— А должен? — ставлю бокал на стол и смотрю ей в глаза.

— Не злись. Уже подразнить его нельзя. Я ведь соскучилась! — девушка плавным движением переместилась мне на колени, обняв за шею. — Только поверь несмотря на лёгкий нрав, я по койкам скакать не привыкла. Мне карьеру надо делать, и точно не таким путём. Как бы некоторым ни хотелось полакомиться аппетитным и молодым телом. У меня есть принципы, и я сама выбираю себе мужчин. Сейчас этот выбор очевиден. Или тебе не нравится?

Она шептала мне в ухо, заставив начать возбуждаться. Натуральное колдовство! Веду себя как подросток в пубертатный период. Целую её в губы и снова выпадаю из реальности. Вырываюсь от этого сладкого плена и смотрю в затуманенные глазищи.

— Про тебя я тоже разговаривала, — ошеломила меня Аня. — Машиностроительных заводов в стране много, у многих есть свои ДК. А ещё по комсомольской линии часто происходят обмены. Так почему не начать в ближайшее время? Думаю, твои проблемы скоро решатся. Концертами я вас обеспечу, потом сами не рады будете. Кстати, многие на заводе благодарны тебе, что убирают Говядина и прочую шушеру.

Ошарашенно смотрю на улыбающуюся девицу. Мне точно не нужна такая репутация.

— Он много кому сломал карьеру или попытался. Этот урод ведь и ко мне подкатывал, как и к другим девушкам. Тогда я с трудом удержалась, чтобы не сообщить его жене и директору. Но просто припугнула, после чего козёл успокоился. Нельзя мне ссориться с его семьёй, и вообще, у нас своя этика.

Странная у неё логика. И какая может быть другая этика? Мне кажется, что она одна.

— Сыграй мне, Ник, — тихо произнесла Анна. — Только что-то твоё. Я знаю, ты пишешь и репетируешь. Начни со «Странных снов», и давай сегодня обойдёмся без Есенина.

Мы переместились в зал, где акустика получше, и вообще у нас сложилась такая традиция. Играю я на обычной шести-струнке — подруга отнюдь не фанат рока. Ей ближе что-то медленное и лирическое. Эстраду она тоже не особо жалует. Вот такая романтическая натура, хотя по общим повадкам ждёшь от девушки совершенно иных пристрастий.

Аня села за стол и потихоньку тянула вино, а я занял диван. Провёл по струнам и заиграл «Странные сны».

Я так боюсь Однажды в них совсем потеряться.

Заканчиваю последний припев, и в зале повисает тишина. Анна, наконец, встрепенулась, налила себе ещё вина и огорошила меня вопросом.

— Кто она? — увидев мой непонимающий взгляд, девушка пояснила: — Невозможно написать проникновенные стихи, не пережив этого. Значит, человек любил, и в его жизни

случилась какая-то драма. Если их писал ты, конечно.

Вот так меня и спалили. Нынешний я никаких любовных трагедий не переживал. Слишком Никита был сосредоточен на себе. А вот моя прошлая жизнь была немного иной, и трагедия там произошла. Только стихи я писать не умел.

Интересно, а существует экспертиза, которая может показать, что стихотворения не могут быть написаны одним человеком, так как сильно отличаются по разным признакам? Надеюсь, что нет.

— Спой что-нибудь из своих страшилок, — рыжая вдруг сменила тему. — Что-то вроде «Русалки». Там ведь форменная жуть, если разобраться.

— Не боишься страшных историй на ночь?

— Нет, ведь рядом со мной такой мужчина! — Анна глупо захлопала глазами, изображая восхищение.

Вот же зараза! Хорошо! Лови страшилку. Плохо, что я сегодня не распевался, а ведь потребуется брать высокую ноту.

Баю-бай, глазки закрывай...

Начинаю играть, постукивая по корпусу гитары.

Там костей белеет груда, Не воротись ты оттуда.

После припева рыжая аж вздрогнула, широко открыв глаза.

Волк уже у двери ждёт, Кто проснётся, тот умрёт.

Заканчиваю небольшим проигрышем и замолкаю.

— Что это было, Оболенский? Так ведь зайкой можно остаться! — воскликнула Анна, залпом допив половину бо-

кала. — Теперь я верю, что это писал именно ты! Нормальный человек такого не придумает! Брр!

— Хорошо, вот тебе добрая и лирическая композиция, — произношу с улыбкой. — Называется «Алексис».

Мысленно усмехаюсь и начинаю проигрывать, узнаваемый любимым человеком в моём времени, кто слушал попсу. Только петь начинаю по-французски.

Французская группа "Grice" просто волшебным образом исполнила «Алёшку» от «Руки Вверх!»

По мере проигрывания глаза Ани снова расширились. В этот раз она даже открыла ротик от удивления. После окончания композиции мы снова немного помолчали.

— Мелодично, — произнесла она и вздохнула. — Наверное, слова красивые. Жалко, что я ничего не поняла, кроме имени. Мы в школе учили немецкий.

Не дав ей перевести дух, выдаю оригинальный текст.

Да! Сегодня у подруги день сплошных удивлений. Для меня это обычная попса, а для неё — очень необычный текст. Здесь такое не поют.

Об Алёшке все твои мечты.

Заканчиваю играть и откладываю гитару в сторону. Чего-то мне самому выпить захотелось. Вдруг нахлынули воспоминания — иногда со мной такое происходит. Пусть я помню только часть прошлой жизни, но она была. Только от ностальгии никуда не деться.

Вдруг активизировалась Анна. Она поставила бокал и

буквально метнулась ко мне, запрыгнув на колени и обхватив ногами. Горячий поцелуй выбил из меня дух, но я даже не собирался переживать. Наконец, подруга насытилась и начала стаскивать футболку. Затем завалила меня на диван, снимая уже мои шорты.

— Это волшебно, Ник! Хочу тебя прямо здесь и сейчас!
— промурлыкала девица.

Я снова не возражал.

Глава 4

Июль 1978 года, Московская область.

— Что я могу сказать? Неплохо, ещё и оригинально. Опыта выступлений у вас нет, но это дело поправимое. А вот музыкальную часть надо подтягивать. Вы не пробовали найти не только гитарного преподавателя, но и концертмейстера? Многие ВИА недооценивают наличие в коллективе столь нужного человека.

Наш администратор взялся за дело без раскачки, чем изрядно меня порадовал. Уж слишком начала давить сложившаяся неопределённость.

Борис Семёнович Гудков оказался немного суетливым мужичком сорока пяти лет, усатым и с пузиком. Но внешность товарища волновала меня меньше всего. Ранее он работал в «Москонцерте» и своё дело знал. По крайней мере, я выдохнул, поняв, какого уровня специалист нам достался. Он и в музыке разбирался, пусть средне. Заодно подкинул несколько идей, хотя парни сначала иронично отнеслись к необходимости заниматься с концертмейстером. В отличие от меня, конечно.

На второй день после знакомства, и отыгрыша восьми наших композиций, которые уже разучены до автоматизма, состоялся исторический разговор. Мы позже охарактеризовали его именно так.

— Может, нам местную учительницу пения попросить? В ДК неплохой детский хор, — прокомментировал слова администратора Кузнецов, а Лукьян с Ивановым поддержали его смешками.

Рама отреагировал, как всегда, индифферентно, упомянутый гитарный учитель одобрительно кивнул, а я поморщился.

Мне не совсем понятно поведение Андрюхи. Вроде обо всём договорились, пашем как проклятые, и уже заметен успех. Но иногда на друга находит. Вот и сейчас он развалился на стуле в помещении, отведённом ВИА, и изображал из себя эдакого скучающего скептика. Зачем? Нам с администратором ещё долго работать, тем более это креатура Эленоры, без которой вообще никак.

Вдруг меня неожиданно поддержал Евгений. Преподаватель практически сразу стал частью коллектива. Плюс, мы пробили ему должность учителя музыки при ДК, поэтому он имел слово.

— Ты зря иронизируешь, Андрей. Концертмейстер — это не какая-то толстая и суеющая тётка, бегающая вокруг шалющих детишек из хора. Настоящий профи может помочь вам изучить партии, заодно выступит в качестве дирижёра. Если нашему вокалисту особо помогать не нужно, то с остальными не всё так гладко. Поверь, работа сразу пойдёт споро.

Скептики замолчали, перестав скалиться. Я же сразу за-

дал вопрос Гудкову:

— У вас есть подходящая кандидатура? Надо учитывать, что у нас не хор или опера, а современная музыка.

— Вы удивитесь, но нужный специалист живёт в вашем городе. Человек недавно вышел на пенсию и не может трудиться с полной нагрузкой. Однако вам поможет.

Так, в нашем дружном коллективе появился Николай Анатольевич Маришкин, шестидесятиоднолетний концертмейстер с большим опытом работы. Я тогда удивился, как можно выйти на пенсию в шестьдесят. Оказалось, что в СССР таков пенсионный возраст для мужчин, у женщин ещё ниже. Впрочем, Маришкин появился позже. А на рабочем совещании мы обсудили множество вопросов.

— Зам заводского комсорга пообещала помочь с организацией выступлений по своей линии. Есть возможность договориться с заводами из других областей и даже республик. Мы ведь проходим по машиностроительной отрасли. Почти у всех крупных предприятий есть собственные ДК или регулярно проводятся мероприятия с привлечением музыкантов, — в разговоре сообщаю о предложении Анны. — А пока у неё есть варианты с другими организациями.

Никто из парней на мои слова не отреагировал. Мы с рыжей держим отношения втайне. Она обычно приезжает ко мне на такси, обратно отправляется так же. Или мы встречаемся в Москве на квартире её подруги. Только Рама случайно нас встретил именно в столице. Бывает же столкнуться с

человеком в многомиллионном городе. Я в Орудьево с парнями практически не пересекаюсь, если не договорюсь заранее. Но наш барабанщик будет молчать, здесь сомнений нет.

— А это хорошая новость! — расцвёл администратор. — Вы даже не представляете, какие у крупных предприятий ресурсы. Да и горисполкомы часто не жалеют денег на развлечение граждан. Но это уже в «Москонцерте» есть?

— Через неделю всё решится. Надеюсь, в нашу пользу, — произношу с оптимизмом, которого не испытываю.

— Тогда за работу, товарищи будущие звёзды!

И завертелось. Да так, что парни взвыли.

Гудков сразу начал с места в карьер. Пока мы спокойно репетировали, он не слезал с телефона, благо нам выделили линию, пусть и спаренную. Ещё администратор постоянно мотался в столицу и по подмосковным городам. Практически одновременно с новостью о допуске большей части моих песен нам сообщили о небольшом турне. Новый член команды тогда пошутил. Только не все поняли его чувство юмора.

Судите сами. Мы получили тур длиной почти в месяц, во время которого пришлось дать двадцать один концерт. Этот вояж стал для «Странных снов» первым серьёзным испытанием. Но перенесённые сложности идут во благо, так как дают необходимый опыт и сплачивают коллектив. Естественно, не всё было гладко, однако администратор сработал выше всяких похвал. Мне хватает знаний, чтобы понять объём

проделанной работы. Очень помогла Анна по своей линии, когда удалось уговорить некоторых представителей принимающей стороны. Об этом позже сообщил Гудков.

Маршрут получился плотным. Вроде одна область, но она у нас немаленькая. Плюс, администратору не удалось проложить прямой маршрут. Приходилось сначала ехать на юг, а потом возвращаться на север. Но здесь нельзя иначе. Благо сейчас лето, и у многих предприятий или администраций различные мероприятия. Семёныч пообещал, что устроит нам такой же весёлый август.

Один город сменял другой, два раза нам пришлось выступить в местных парках. При этом сначала выступление проходило в ДК, а потом под открытым небом. На самом деле тяжело, но мы держались. Парни пару раз начали ныть, но быстро были мной приструнены. Это ведь настоящая гастрольная практика, пусть и скромная по масштабам.

Здесь ещё важен психологический момент. Необходимо набить руку и одновременно выстроить психологический щит. Ведь на музыканта давит не только атмосфера бесконечной дороги и исполнение одинакового репертуара.

В одних городах нас принимали вполне тепло, зрители хлопали после каждой песни и даже просили повторить на бис. Естественно, особой популярностью пользовались «Девушка» и «Гуляка», которые мы играли в конце. А иногда зал замирал с самого начала и оставался холодным до финальных аккордов, как на самом первом концерте. Он снова

чуть не выбил коллектив из колеи.

Разница в реакции не зависела от качества игры или настроя музыкантов. Скорее дело в привычках местной публики и в том, кому профкомы раздавали билеты. Где-то зал заполнялся людьми, пришедшими по своей воле, и тогда атмосфера становилась живее. Но часто состав зрителей был смешанным, и предсказать реакцию оказывалось невозможно. Мы молодая группа, поэтому о своей аудитории можно только мечтать.

Дорога между городами утомляла больше, чем именно выступления. Всё-таки «ПАЗик» — не самый комфортный автобус. В салоне было тесно от инструментов и аппаратуры. Домой мы возвращались всего несколько раз, если приходилось играть в ближайшем городе. Ночевать чаще приходилось в заводских общежитиях, где были свободные комнаты. Кровати там старые, пружинные, сильно скрипели. Ну и размещали нас часто по трое или четверо, что тоже давало дополнительную нагрузку на нервы.

Но мы с парнями не жаловались. Надо понимать, что это нормальные гастрольные будни. В СССР с инфраструктурой большие проблемы, к чему местный народ относится спокойно.

Несколько раз случались казусы с аппаратурой. Благо бывший радист теперь в составе «Снов». В одном из ДК усилитель отказал прямо перед выходом на сцену, и Олегу пришлось уговаривать местного коллегу срочно искать за-

мену. В другом городе микрофоны начали фонить во время исполнения второй песни. Пришлось делать незапланированный перерыв, чтобы не играть с постоянным гулом в колонках. Такие моменты сбивали музыкантов с ритма, но они научились быстро перестраиваться и не обращать внимания на технические неполадки. Работники ДК часто оказывались людьми пожилыми, привыкшими к своему распорядку, и иногда начинали чудить. Например, нам однажды выключили свет в середине выступления. Другой раз устроили бардак, в последний момент, изменив план рассадки зрителей. Ага, здесь народ не танцует у сцены, а сидит в креслах, иногда похлопывая в ладоши.

Дважды концерты попытались запретить на местном уровне. В одном городе парторг пришёл на саундчек, прослушал пару песен и усмотрел в текстах слова, не соответствующие официальной линии. Хотя конкретных претензий товарищ сформулировать не смог. Он вызвал директора ДК и потребовал отменить вечернее выступление, ссылаясь на общие формулировки и напирая на идеологическое несоответствие. Гудкову пришлось доставать разрешительные бумаги, доказывая, что репертуар согласован и одобрен всеми инстанциями. Спор занял почти два часа, но концерт в итоге состоялся. Плохо, что публика уже начала расходиться из-за задержки.

Во втором случае претензии возникли не к текстам, а к манере исполнения. Местному партийному боссу показа-

лось, что гитарные соло звучат слишком резко и вызывающе для обычной эстрады. Я объяснил, что это просто рок-н-ролльная аранжировка, где все партии расписаны согласно требованиям комиссии «Москонцерта», и без отклонений. Секретарь не стал настаивать на отмене, но попросил «сделать звук потише» и «убрать излишнюю энергию». Это уже касалось моей манеры поведения на сцене. Оказывается, товарищу уже донесли информацию о певце-кривляке. Здесь хоть стой, хоть падай.

Но в итоге удалось договориться. Я сначала не понимал, зачем администратор загрузил в автобус два ящика армянского коньяка. Вообще-то, у нас во время тура сухой закон. Да и сам Семёныч не похож на алкоголика. Однако по мере исчезновения бутылок приходило понимание. Это с трактористом можно расплатиться водкой. В нашем случае товарищи предпочитают более благородные напитки.

Несмотря на все трудности, тур действительно дал группе бесценный опыт. Мы научились настраиваться за пятнадцать минут до выхода, независимо от состояния дороги и качества сна. Парни перестали обращать внимание на пустые глаза в зале, продолжая работать с полной отдачей, потому что иначе нельзя. Каждый концерт становился тренировкой, а каждая неудача — уроком, который запомнится надолго. Я попросил Гудкова записывать в блокнот замечания по каждому концерту. В первую очередь наши ошибки или то, на какие песни публика совершенно не реагирует. После окон-

чания необходимо всё проанализировать.

В конце тура мы подсчитали, что сыграли больше песен, чем планировали. Несколько композиций пришлось петь на бис. Главное — ни один концерт не был сорван несмотря на попытки местных номенклатурщиков и проблемы с аппаратурой. В какой-то момент я почувствовал, что группа стала более слаженной и уверенной, даже если реакция публики оставалась скромной.

К последнему дню вояжа все устали до такой степени, что мечтали только об одном — вернуться домой и проваляться в кровати не менее суток. При этом никто не говорил, что тур стал ошибкой или мы зря потратили время. Наоборот, в автобусе парни обсуждали, где в следующий раз можно выступить лучше и что изменить в программе. Заодно пора выходить на свою аудиторию. Семёныч тоже строил планы, хотя официальных запросов на новые выступления пока не было. Думаю, это вопрос решаемый. Ушлый администратор в каждом городе общался с представителями разных организаций.

Перед последним выступлением нас заселили в стандартную общагу. Благо здесь оказались комнаты на два человека. Администратор куда-то умотал, а я искупался и завалился спать. Приехали мы вечером, хорошо, что успели поесть. Здесь тоже подсуетился Гудков. Парни тоже легли отдыхать, а я всё не мог заснуть. Из головы не выходил первый концерт, который по закону подлости стал тем самым комом. Вернее,

чуть не стал.

Зал ДК «Химик» оказался новым, с хорошей акустикой и приличным светом. Вентиляция работала средне, но к этому быстро привыкаешь. Публика собралась взрослая, в основном рабочие с завода, скорее всего, явились по поручению профсоюза. Молодёжи было немного, и она расположилась на галёрке. Несколько парней и девушек, что заняли первые ряды, явно пришли по своему желанию. Но их было слишком мало, чтобы создать живую атмосферу, на которую я рассчитывал перед выступлением. Зал, вообще, разочаровал проплешинами.

Но это первый концерт, поэтому надо выложиться на двести процентов. Я с первых аккордов задал рабочий темп, музыканты играли слаженно, без срывов и фальши. Звук был чистым, без эха и дребезжания, что для нынешних площадок редкость. Олег грамотно выставил динамики. Бас не гудел, а верхние частоты не резали слух. Нам бы ещё добавить светового сопровождения, нежели играть в полутьме. Так и публике веселее. Хотя смотря для кого.

Первые три композиции прошли практически в полной тишине. Зрители сидели неподвижно, только изредка кто-то кашлял или пересаживался на другое место. Я смотрел в зал, но не видел никакого оживления. Только ребята с первых рядов поддерживали нас хлипкими аплодисментами. Пришлось немного изменить порядок композиций, и мы заиграли «Гуляку». Это всё-таки весёлая песня. Однако зал оста-

вался спокойным, будто перед ним не живое выступление, а киносеанс.

К четвёртой песне в зале начали переглядываться, некоторые зрители откровенно скучали. Я понимал, что часть нашего материала достаточно сложна для восприятия неподготовленной публикой. Вернее, взрослой, давайте называть вещи своими именами. Причём я внутренне готовился к такому развитию событий. Но всё равно надеялся, что хотя бы к середине программы что-то изменится.

К середине выступления я взял паузу, повернулся к залу и объявил следующую песню обычным голосом, без лишней театральности. Пришло время предъявить наш главный козырь, иначе совсем мрак.

Я решил сыграть «Девушку», самую зажигательную нашу композицию. Уже после первых тактов пара человек на передних рядах начали притоптывать в такт, а двое парней даже качнули головами. К концу песни зрители захлопали громче, чем после всех предыдущих номеров. Даже в середине зала раздались редкие хлопки. Благо молодёжь вела себя гораздо активнее. Смешно, но первый раз за весь вечер зрители обозначили своё присутствие. Речь о большей части, а не о наших персональных фанатах.

Позже мы пообщались с ребятами. Оказалось, что мои песни начали расходиться среди народа. Олег, наверное, кому-то переписал несколько вещей. А далее люди начали делать копии. Значит, не всё потеряно!

Тогда реакция публики немного оживила атмосферу. Поэтому мы продолжили в том же духе, попытавшись играть максимально задорно.

Под конец программы в зале стало свободнее. Часть зрителей покинули свои места ещё до финальных аккордов. Зато примерно десяток пересели ближе к сцене. Я видел их сосредоточенные и внимательные лица без тени эмоций. Но хотя бы слушали, а не смотрели в сторону выхода.

Завершающий аккорд программы прозвучал чисто, без смазывания, и зал отозвался аплодисментами. Конечно, хотелось бы бурных оваций, но и это хлеб. Кто-то из девушек крикнул пару раз «браво», а с задних рядов одобрительно свистнули.

За кулисами мы особо не разговаривали. Вроде всё прошло более или менее успешно, люди в конце хлопали. Плохо, что настоящего контакта не случилось и большую часть вечера мы играли в пустоту.

Затем уже было общение с местной молодёжью. Десяток парней и девушек пришли нас поблагодарить и даже попросили автографы. Что сразу взбодрило парней. Поэтому в автобусе они вели себя активно, весело переговариваясь и обсуждая самые яркие моменты выступления. Ведь для них важен сам факт чистой и уверенной игры. Я же молчал, пытаюсь проанализировать произошедшее.

По идее сбылись мои предположения. Дело не в слабости наших песен или выступлений в целом. Большинство

рабочих пришли выполнить некую норму посещаемости по профсоюзной линии, а не за новой музыкой. И тех немногих, кому наши композиции действительно зашли, было от силы пять-шесть человек — те самые, что подошли к сцене под конец. Мне было досадно не за провал как таковой, а за то количество сил и нервов, которые были вложены в этот вечер и не вернулись энергетикой зала.

Скорее всего, зрители просто не поняли наши композиции. Особенно блюз и рок с гитарными соло. Для слушателей, привыкших к эстрадным песням с куплетами и припевами, наши вещи звучали слишком непривычно и отстранённо. Я знал об этой разнице восприятия и раньше, но надеялся, что на концерте найдётся часть зала, готовая воспринять нестандартную музыку. Она и была в виде молодёжи, привыкшей к звучанию рока. С народом постарше и интеллектуально попроще нам сложнее.

В дороге я прокручивал в голове весь вечер, пытаюсь понять, где можно было сыграть иначе, а где стоило добавить простоты. Но пришёл к логичному выводу: менять свой стиль нельзя. Иначе это будет капитуляция равнодушной.

Тут ещё парни добавили пищи для размышлений. Оказывается, ВИА «Весёлые ребята» решили снова начать петь «Девушку». При этом их новая аранжировка поразительно похожа на нашу. Только что я могу сделать? А ничего! Музыка и стихи чужие, песня уже исполнялась разными коллективами. «Ребята» в своём праве.

Хуже всего информация, донесённая Гудковым. У Семёныча связи во всех сферах шоу-бизнеса, и ему можно верить. Наш ход с исполнением Есенина заинтересовал некоторых композиторов. Ясное дело, что можно взять стихи любого поэта. Ты попробуй напиши на них хорошую музыку. Пока ноу-хау рассматривают товарищи попроще, и не факт, что у них получится. Да и у меня в основном роковое звучание, малоизвестное местным творцам.

Однако если за дело примутся мастодонты вроде Пахмутовой, Таривердиева, Тухманова, Зацепина или Рыбникова, то вечер перестает быть томным. Они спокойно адаптируют слова под эстраду. Глупо сомневаться в компетентности этих людей. А ещё у них есть административный ресурс, способный отодвинуть одного выскочку на задворки сцены. Пусть поёт для рабочего класса в ДК, нечего ему соваться на музыкальный олимп. Не помогут даже Мишин с Синяевым.

Именно поэтому я жду начала печатания «Ведьмака». Против известного писателя воевать гораздо сложнее. Плюс, я сразу огорошил Полевого, что хочу издать произведение за рубежом. Пусть советская казна заберёт себе весь валютный гонорар. Мне необходима известность, которая даст относительную независимость. Функционирование местной системы мне относительно понятно. Если ты проявишь себя на Западе так, чтобы большие начальники могли вещать с высокой трибуны о достижениях и превосходстве коммунистического строя, то станешь фактически неприкасаемым. В слу-

чае бонуса в виде валютной выручки твои шансы ещё вырастут. Главное — не нагнеть. Я всё-таки битый жизнью мужик в теле парня, поэтому всё понимаю. Ошибки, совершенные в «Костре», стали возможны из-за незнания обстановки и гормонального всплеска нового тела, который сложно контролировать.

А ещё у меня есть надежда на немецкого продюсера. К тому времени мы должны отшлифовать отправленные в ФРГ песни и изучить новые. До его приезда в Москву осталось всего четыре месяца.

— Не спишь? — мои размышления нарушил Гудков, включивший свет.

Увидев мои открытые глаза, администратор сел на скрипнувшую кровать и шумно выдохнул. Судя по выхлопу, часть коньяка он употребил лично. Имеет право, мужик действительно круто отработал.

— Я тебе честно скажу, только ты не обижайся, — Семёныч переиначил слова из популярного фильма и пьяненько усмехнулся. — У вас замечательная программа! Технику игры не мешает улучшить, как и некоторые детали вроде света. Надо заботиться о зрителе. Проблема в том, что вы не сможете взлететь. Или на это потребуется очень много времени. Лучшую песню ансамбля перехватили, а вторая годится строго для кабака. Остальное будет крутиться на бобинах у молодёжи. Только никто не даст нам попасть на большую сцену, о чём ты мечтаешь. Остаются такие вот

площадки вроде ДК. Однако ты сам понимаешь, какой здесь контингент. Я здесь немного пообщался, скорее всего, комсомольскую лавочку перекроют. Не всю, но большую часть. А значит, остаются выступления только в ДК разных предприятий, связанных с машиностроением. Не уверен, что при таких раскладах поступит предложение из других областей. Получается замкнутый круг. Тебе нужен прорыв, чтобы народ повалил толпами, но опять-таки никто не позволит играть чистый рок-н-ролл. Пока ВИА не заявит о себе какой-то уж слишком удачной песней либо не станет популярным, как Высоцкий. Тогда товарищи в высоких кабинетах поскрипят зубами, но дадут «Снам» работать, делая вид, что их нет. Даже пластинку могут одобрить, как упомянутому Владимиру Семёновичу. Но готовься находиться в вечной оппозиции. Или лучше переходи в неё уже сейчас. Ха-ха! Хрр.

Выдав последнюю фразу, Гудков захрапел, свалившись на койку в одежде. Хорошо, хоть храп у него тихий.

Снимаю его смешные босоножки и забрасываю ноги администратора на кровать. А сам погружаюсь в новую волну мыслей. И где я найду ему прорыв, если нельзя играть рок?

Глава 5

Август 1978 года, Москва.

Финальный концерт конкурса «Голос» проходил в Московском дворце пионеров на улице Косыгина, сейчас это Воробьёвское шоссе. Это пока не всесоюзное мероприятие, а столицы и области.

Сначала я скептически отнёсся к происходящему. Показалось, что снова вмешались различные «держиморды» и цензоры, добравшиеся даже до детишек. Но потом представил объём проведённой работы и даже зауважал организаторов. Ведь сначала они провели многоступенчатый отбор. В Подмоскovie и столице сотни ДК, музыкальных школ и различных кружков самодеятельности, где дети занимаются пением. Думаю, желающих принять участие в проекте хватало. Добавьте к этому, что конкурс для людей в новинку, тогда станет понятен объём возникших проблем. То-то Элеонора при нашей встрече жаловалась на бешеную загрузку.

Сейчас же, воочию увидев количество участников, уровень организации и царящий ажиотаж, я кардинально изменил своё мнение. А ещё произошёл забавный случай — мне едва удалось достать билет на финальное выступление. Хорошо, что снова помогла моя комсомольская покровительница, приславшая приглашение, причём в шестой ряд. Пусть с краешка, зато отсюда очень хорошо видно детские лица,

процесс работы организаторов и техников. Для нынешнего времени всё на очень высоком уровне. Ещё я могу наблюдать за высокопоставленными гостями и жюри.

Всех уважаемых товарищей разглядеть не удалось, но Мишин и Остроушко точно присутствуют. Как и несколько известных композиторов и певцов, которые должны оценивать выступление конкурсантов. А Шаинского, Гладкова, Клару Румянову, Валентину Толкунову и Эдуарда Хиля сложно не узнать. Пресса тоже присутствует, Филин сидит в пятом ряду через пять кресел слева от меня. Думаю, в зале есть и другие акулы пера. В общем, уровень получается самый высокий. Насколько я понял, открытого голосования не будет, а победителей выберут кулуарно.

Главное, чтобы не было подводных камней и прочих интриг, как получилось с блатным мальчиком Абрамяном. Благо среди состава участников такой фамилии нет. Зато есть Алёша Козлов и, конечно, Пелагея Сергеева, ради которой я сегодня в зале. Очень хотелось использовать три дня отпуска, чтобы банально выспаться или погулять с Анной по Москве. Но ребята меня ждут, их родители звонили в ДК, когда ВИА была на гастролях. Поэтому необходимо их поддержать.

Радий среди участников тоже есть. Опасный конкурент для моих протеже, кстати. Учениками их назвать нельзя — ребята год занимались под руководством профессиональных педагогов. Плохо, что нам не удалось пересечься с Лёшей

и Пелагеей. Они просто живут в Ногинске и Наукограде соответственно. Имамутдинов представляет Забугорск, но он мне малоинтересен. Удивило, что девочка предпочла заниматься в столице, а не в «М». У нас вроде лучшие условия, ещё и я под рукой.

Всего претендентов на победу семнадцать, из которых восемь представляют Москву. Но и количество участников из Подмосковья радует, особенно троица, проявившая себя в лагере. Ещё одна девочка из нашего ДК, что тоже приятно. Вообще, «Семицветики» уже заявили о себе, как и московские «Ребята с нашего двора». По крайней мере, о них пишут в «Пионерской правде», и коллективы начали давать концерты. Также обрадовала информация, что подобный ансамбль планируют создать в Ленинграде.

Только не знаю, что у ребят с индивидуальной подготовкой. Чего-то я забросил этот момент, аж стыдно перед ними. Ведь всё затевалось именно для поиска и развития талантов, способных перейти на большую сцену. Массовка такой возможности не предоставит. Как бы руководители не сделали ошибку, начав уделять внимание коллективу в ущерб самым талантливым детям.

Я приехал во дворец вовремя, благо мне удобно. Нырнул в метро на Ярославском вокзале и вышел на Воробьёвых горах, которые сейчас Ленинские. А там пешком минут пятнадцать. Уже на подходе к комплексу ощущался ажиотаж. Дети пришли как с родителями, так и с группами под над-

зором учителей. Атмосфера праздничная, ещё и погода хорошая! Мне тоже передалось общее позитивное настроение, хотя оно и так было в норме.

Наконец, все расселись, погас свет, и Светлана Жильцова начала концерт. Понятно, что сначала слово дали большим дядям и тёте во главе с Мишиным. Благо комсомольские вожаки и главная пионерка страны Алевтина Федулова, оказавшаяся тётенькой лет сорока, не стали нагружать зрителей лишним славословием. Больше всех времени отнял косноязычный Остроушко, принявшийся сыпать лозунгами. Остальные подготовили более грамотные речи.

Выступления начались ровно, без срывов. Дети выходили по очереди, вставали перед микрофоном. Им аккомпанировал оркестр или свои музыканты на рояле. У нас ведь определение лучшего вокала, а не умения выступать под музыку.

Голоса звучали чисто, но без особой выразительности. Первые пять конкурсантов меня ничем не поразили. Обычный детский конкурс с неплохим исполнением. Такого хватает на любом концерте, даже в пионерском лагере. Публика хлопала вежливо, но тоже без особого задора. Однако к шестому номеру ситуация начала меняться. Насколько я понял, организаторы решили разделить выступавших на две части, оставив в конце наиболее сильных исполнителей.

К микрофону подошла девочка с забавными косичками в обычной юбке и белой рубашке с красным галстуком. Организаторы решили не мудрить с костюмами и попросили ре-

бят выйти в пионерской форме. Я не ждал ничего особенного и вдруг завис при первых же аккордах, узнав знакомый мотив. А потом зазвучала песня. Зал притих, и в воздухе будто повисло предвкушение чего-то яркого. Такое сразу ощущается, и исполнительница не подвела.

Вроде ничего необычного, просто она пела без напряжения, не пыталась никого перекричать, а голос ложился на мелодию ровно. Ещё исполнительница выбрала нестандартную и недетскую композицию — «Ландыши». Когда Елена Малышева закончила, публика в первый раз разразилась настоящими овациями. Оно и немудрено. Выступление получилось задорным, солистка ещё и подготовила небольшой танец. Молодец!

Далее было два проходных выхода. Я не могу понять, зачем исполнять песни вроде «Солнечный круг», «Эх, хорошо в стране советской жить!» или «Песня о барабанщике»? Дело даже не в политическом контексте. Эти композиции энергичные, но мешают оценить вокал. Кто мешает выбрать лирические композиции? К тому же важен сценический образ. Мы ведь ищем артистов, а не обычных певцов. Зачем тогда огород городить? Хористов найти не проблема.

На фоне посредственностей запомнился Серёжа Колесников, мальчишка лет тринадцати. Он выходил с серьёзным лицом, без улыбки и явно нервничал. И вдруг после вступления преобразился, взяв хороший темп, ещё и добавив артистизма.

"Наш сосед" Пъехи вообще вечная песня. По крайней мере, в это время она ещё очень популярна.

Зрители одобрительно закивали и начали притоптывать и прихлопывать. Когда Серёжа закончил, публика разразилась аплодисментами. Хлопали долго и от души. Мальчишка в ответ лишь коротко кивнул и ушёл за кулисы. Интересный у него стиль.

После выступления Колесникова зал заметно оживился. Появились попытки подпевать знакомые припевы, притоптывали зрители тоже постоянно. Многие дети вообще переживали за каждого выступающего, будто болели на стадионе.

После короткого перерыва выступление возобновилось. Народ уже разошёлся, поэтому встречал аплодисментами выход каждого конкурсанта. Значит, не всё так плохо с советской публикой? Просто надо с ней поработать. А ещё я, кроме сцены, наблюдал за работой организаторов и техников. Ведь сегодня в зале присутствовало телевидение, что добавляло общей суеты. Однако персонал справлялся, не совершив ни одной заметной ошибки. Ещё и аппаратура работала без сбоев.

Выступление Алёши и Пелагеи я выслушал внимательно, постаравшись абстрагироваться от личных предпочтений. Скажем так, впечатления двойственные. Радий вообще выдал почти спектакль. Но он продолжает топтаться в рамках своего загона. У парня ограниченный образ, если над ним хорошенько не поработать. Мне это точно не нужно.

Под конец конкурса народ устал, это чувствовалось. Ещё в зале душно. Последние два номера слушали внимательно, но видно, что дети хотят вырваться на воздух. Но на финальный поклон выступавших публика выдала заслуженные овации. Конкурсанты вели себя по-разному. Кто-то шёл с опущенной головой, другие, наоборот, расплывались в улыбке. Некоторые дети, особенно Колесников, пытались сохранять невозмутимость. Это тоже показатель актёрского мастерства.

После чествования выступавших жюри объявило победителей. На сцену поднялись крошечный Шаинский и Хиль, возвышавшийся на фоне маэстро, как великан. Хотя рост Эдуарда в районе метра восьмидесяти или чуть меньше, это композитор очень низкий. Забавная получилась парочка!

Владимир Яковлевич выдал небольшую речь, а затем нашёл несколько добрых слов для проигравших. Хиль же раздавал грамоты и тоже благодарил детей. Награждение надолго не затянулось, так как конкурс является одним из отборочных этапов. Будет ещё республиканский и всесоюзный концерт. Кстати, туда смогут попасть сегодняшние неудачники. Нормальная задумка, ведь мероприятие только обкатывается. Более того, Элеонора предложила сделать его многолетним, постепенно включая туда новых участников. Не знаю, что из этого получится. Посмотрим.

Выходя из зала, публика активно обсуждала прошедший концерт. Дети вели себя более активно. Лидером зритель-

ских симпатий явно оказался Колесников, занявший третье место. Народ постепенно вытекал в вечернюю прохладу, а я пошёл за кулисы. Мысленно анализирую просмотренные выступления и пока не могу прийти к общему знаменателю.

— Не реви!

— Я не реву! — ответила Пелагея, и слёзы хлынули из её глаз бурным водопадом.

— Тогда реви, я подожду тебя на выходе, — передаю девочке платок. — Десять минут. Приводи себя в порядок, и пойдём, посидим в кафе.

— Мне нельзя мороженое, — плач перешёл во всхлипывания.

— И это правильно, надо беречь голос. Мне тоже нельзя, поэтому будем есть пирожные, — отвечаю с улыбкой и выхожу из большой раздевалки, где горевала проигравшая Пелагея.

— Никита, вы должны быть с ней поласковее. Поражение может сильно отразиться на психике ребёнка, а тут ещё отсутствие поддержки со стороны уважаемого человека.

Преподаватель Пелагеи догнала меня в вестибюле и начала объяснять, как обращаться с детьми. Её зовут Ирина, лет тридцать. Невысокая такая, несимпатичная, в очках, типа девушки-ботана.

— Я ей ничего не должен, кроме одного обещания. Прошу вас быстрее привести ребёнка в порядок. У меня мало

времени, — отворачиваюсь от оторопевшей учительницы и направляюсь к выходу.

Нравятся мне кафе этого времени! Пирожные настоящее объедение! Лимонад тоже вкуснотища! Надо только себя контролировать, иначе подсядешь на эти вкусняшки и располнеешь. Благо мне действительно нельзя мороженое.

Когда Пелагея с Ириной зашли в переполненное кафе, я успел занять столик. После чего заказал по три порции корзиночек с грибочками и столько же мокрого бисквита с дюшесом. Если кто-то из дам предпочитает тархун, то ничего страшного, докупим.

Однако Ирина попросила кофе, сообщив, что лимонад слишком сладкий. При этом пирожные она за сладости не считала. Пелагея вообще не спорила, сразу атаковав корзиночку. Девочке надо восстанавливать калории. Сцена отнимает их в огромном количестве, по себе знаю. Ну и пусть ребёнок порадует, заодно избавится от последствий стресса.

Глаза Пелагеи уже не такие красные, а бледное лицо, наоборот, порозовело. Она вопросительно посмотрела на стакан учительницы и после моего кивка начала пить вторую порцию лимонада. Значит, пошла на поправку.

— Не понимаю причины истерики. С учётом того, что врачи запретили тебе сильно нагружать горло, пока голос окончательно не мутировал, — начинаю разговор, посчитав, что настал удобный момент. — У тебя и песня была спокой-

ная, без особых вокальных подвигов, что сразу снизило шансы по сравнению со столь сильными конкурентами. Седьмое место в твоём случае сродни победе.

У пионерки действительно заканчивается период перестройки голосового аппарата, связанный с серединой пубертатного периода. Это хорошо, что мне об этом рассказал врач в пионерском лагере, заподозривший неладное. Тогда процесс только начался. Целый год девочке приходилось петь очень осторожно под контролем педагога, коим является Ирина. Кстати, хорошая дама и явно любит свою воспитанницу. Оказывается, именно из-за неё Пелагея выбрала Москву, где работает учительница. Но всё вроде заканчивается хорошо, и голос не пострадал.

— Я так старалась! А они... — всхлипнула девочка, но, наткнувшись на мой взгляд, не решилась плакать. — И ведь песня отличная! Всё, как вы говорили!

Это действительно так. Ещё в прошлом году я посоветовал пионерке сделать акцент на народное творчество или песни, которые им считаются. Главное условие — необходимо выбрать композиции с минимальной вокальной нагрузкой. Для концерта Пелагея взяла «Огонёк». Не знаю насчёт номера, но спела она идеально и приятно на любой вкус.

— Пойми, ты выступила на максимуме, который сейчас позволяет здоровье. Песня подобрана грамотно, воспроизведение отличное, из вокала ты выжала всё. Но у тебя изначально были неравные условия с остальными участниками.

При этом седьмое место... Я считаю, жюри по достоинству оценило твой талант.

— Только мне нужно было попадать в призёры! А теперь... — огромные глаза Пелагеи снова наполнились слезами.

Чего-то я упустил, приняв расстройство девочки за обычное разочарование и обиду.

— А вот здесь поподробнее, — поворачиваюсь к Ирине.

— Она не виновата! — воскликнула пионерка, пытаясь защитить учительницу, отвёдшую глаза.

Наконец, педагог решила и начала говорить.

— «Ребята с нашего двора» только формируются. Пока идёт отбор на базе четырёх домов пионеров и двух ДК. Желающих попасть туда много, вот руководство и требует результата. По итогам четырёх отборочных туров решено сформировать окончательный и запасной состав. Сейчас мы занимаемся в Доме пионеров Куйбышевского района. В случае победы Пелагею должны были включить в основной состав.

Какое-то безумие. Зачем устраивать соревнование, вредить здоровью детей? Чтобы отчитаться перед начальством и получить грамоту? Или премию? Неважно, сама ситуация бредовая.

— Я спою новую песню на следующем отборе и докажу всем, что достойна! — вдруг воскликнула Пелагея, доев пирожное. — Пусть все знают, какой у меня на самом деле голос!

Ирина грустно вздохнула, но промолчала. Наверное, этот разговор поднимается не первый раз. Придётся брать управление в свои руки.

— Ты слышала Сергея Парамонова?

— Конечно! — глаза девочки засияли от восторга. — Он лучший певец Большого детского хора! У меня есть его пластинка!

— А Робертино Лоретти? — продолжаю расспрос, игнорируя восторги девочки.

— Да! — уже менее уверенно произнесла она. — Его песню знает весь СССР!

— Где они сейчас?

Судя по повисшему молчанию, ни Пелагея, ни Ирина ответа не знали. Вокруг суетился народ, кто-то вставал, скрипел стульями и смеялся. Только за нашим столом было тихо.

— Они оба пострадали от мутации голоса, не выдержав его изменений. Либо ошиблись педагоги, либо природа, — нарушаю молчание. — Главное, на взрослом уровне они не поют. Или малоизвестны. Ты тоже хочешь похоронить свой талант ради амбиций глупых людей, наплевавших на детское здоровье? Им нужен результат здесь и сейчас. А нам надо постепенно тебя учить и подтягивать вверх. И это путь не одного года, а минимум пяти-шести. Помнится, мы обсуждали этот момент, и одна пионерка согласилась. Что такого произошло, если твои планы резко изменились?

Пелагея умная, несмотря на юность. Мы действительно

долго обсуждали такие моменты. Тогда мне показалось, что она всё поняла.

— Вы обещали написать песню, которая меня прославит!

— девочка вдруг обвиняюще наставила на меня палец.

Выглядело это так забавно, что мы с Ириной одновременно прыснули.

— Уже, — произношу всего одно слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.